

Большие и маленькие

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Максимов

Михаил Максимов
Большие и маленькие

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Максимов М. С.

Большие и маленькие / М. С. Максимов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Современная городская лирика о разных вещах, людях, процессах. Маленькие трагедии большого и разноцветного мира. Из Сибири с любовью. Содержит нецензурную брань.

© Максимов М. С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Саша и Галя улетают на Марс	5
НЕ ЖИТЬ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Саша и Галя улетают на Марс

Пылающее, косматое солнце стояло высоко над Марсом. Такое солнце видывали в Петербурге, в мартовские, ясные дни, когда талым ветром вымыто всё небо.

А. Н. Толстой «Аэлита»

А здесь меня всё меньше и меньше,

Здесь меня осталось чуть-чуть.

Отпусти меня, и дай улететь

Туда, куда я хочу.

Группа «Чиж»

Глава первая, в которой Саша получает «письмо счастья»

Это субботнее утро ничем не отличалось от предыдущих. Саша проснулся, почистил зубы, включил компьютер и пошёл заваривать чай. Чай, кстати, собирал Сашин папа из полезных дикорастущих трав. Пока заваривался чай, Саша, по привычке, решил проверить электронную почту. Сегодня было несколько писем от ненужных сайтов, на которые он был подписан, два письма от президента, их почта автоматически определяла как спам. Вообще, все письма от женщины-президента со звучным именем и фамилией – Эльвира Жириновская – определялись как спам. Этот факт Саша искренне считал несправедливым: президент хотела быть ближе к простому народу, ежедневно писала письма, вкладывая свою душу и сердце, а почтовый сервис неумолимо отвергал эти письма.

Последнее письмо было и вовсе похоже на спам. В нём говорилось, что Сашина анкета, которую он отправлял несколько лет назад, больше как «в шутку», проверена и одобрена, он и его супруга выбраны участниками экспедиции на Марс, с основанием там колонии. Также предупреждалось, что билет в одну сторону и обратно вернуться технически не представляется возможным. В письме большими буквами: «К ЧЕТВЕРГУ ЗАКОНЧИТЕ ВСЕ ЗЕМНЫЕ ДЕЛА, – а дальше, – ожидайте письма с дальнейшими инструкциями. С уважением, Ваш Илон Маск».

Перечитав последнее письмо несколько раз, Саша не мог поверить своим глазам.

– Не может быть! – сказал Саша в пустоту квартиры, пустота ответила молчанием, только в клетке с почтовыми голубями самый толстый голубь Владимир недовольно курлыкнул.

Нельзя сказать, что Саша был человеком доверчивым, скорее, наоборот. Любую новость или знание, он сначала аргументированно отвергал, будто бы старался доказать самому себе и всему миру, что он умнее и просто так его не проведёшь, но в те моменты, когда масштаб истины становился больше, чем Сашина голова, он сдавался. Так и сейчас, проведя два часа в раздумьях, приводя доводы и аргументы самому себе, поискав в Интернете информацию о подобных письмах (половина источников утверждала, что это очередной развод, а другая, что всё это правда, и на Марс мы летим встречаться с аннуаками и рептилоидами, чтобы создать новый вид человекообразных), Саша пришёл к выводу: письмо настоящее и ему будет плевать на мнение окружающих, он летит. Написав короткую записку и привязав её к лапе голубя Владимира, он отправил его к своей супруге Галине. Мобильные телефоны были давно запрещены указом президента как «греховные игрушки, присланные зарубежными врагами народа».

С немного безумными и горящими новой идеей глазами Саша налил папин травяной чай, сделал глоток и понял: это, возможно, последний раз, когда он пьёт чай на этой планете.

Глава вторая, в которой Сашины родители отпускают его скрепя сердце

В воскресенье Саша решил сообщить радостную новость родителям. Они жили в пяти километрах от города, в деревне «Оклахома». Название своё деревня получила благодаря американоповёрнутому главе сельсовета. По этой же причине за деревней был недостроенный хайвей для перегона скота, у домов цвели аккуратно подстриженные полтораметровые лопухи и репейники, а все жители были обязаны говорить с южноамериканским акцентом. Девиз штата-побратима «Труд побеждает всё» красовался на въезде с небольшим изменением, относящимся скорее к каждому из её жителей: «Труд побеждает всех». По трудовой повинности восемьдесят процентов натуральных доходов деревенские обязаны были передавать главе сельсовета, а тот куда-то в город на поддержку нацпрограммы «Огород семьи – оборона страны». Скорее всего, именно поэтому власти и терпели странные выходы главы сельсовета.

В родительский дом Саша приехал на санях, запряжённых школьниками. Подработать таким способом «на карманные расходы» считалось нормальным. «Главное, чтобы уроки по истории Отечества не пропускали», – говорил директор школы.

Расплатившись мотком шерстяной ткани, полученной в качестве зарплаты, Саша вошёл в тёплые сени и постучался.

Дверь открыл Сашин папа:

– Привет! Май сан! – воскликнул он, улыбаясь во весь рот. Следом в дверях показалась мама.

– Вай не предупредил наус? Заходь милый! – обхватив с двух сторон Сашины плечи, родители завели его сразу на кухню. Мама в спешке стала накрывать на стол, папа же сел на табурет у окна, наблюдая за этой суматохой. Саша быстро поведал про свои планы на ближайшее будущее, про полёт на Марс, про то, что это мечта всей его жизни, и он верит, что действительно улетит. Потом он замолчал в ожидании реакции родителей. Мама поставила на стол сковороду с зажаренными в печи воробьями, глубоко вздохнула и заговорила, глядя Саше в глаза и душу (только мамы так умеют делать), напрочь забыв про акцент:

– Тебе что это в голову взбрестило? Какой Марс, Саша? У вас в городе там все с ума посходили, что ли? Ваше поколение вообще зажралось совсем. У нас в молодости даже электричества не было, а у вас и по четвергам, и по субботам с девяти до часу жги лампочки, сколько хочешь. Внуков тебе рожать надо, государство вон на третьего ребенка по пачке масла выделяет в месяц! Пачка масла в месяц, Саша! А ты...

– Но мам!

– Не перебивай мать! – мама недовольно кинула в тарелку перед Сашей пару воробьев, – не нравится в городе, так к нам переезжайте, мы с отцом птиц выращиваем, картошку, нам помогать будете повинность выполнять. Отец, ты чего молчишь?

Папа поправил съехавшие очки, попытался что-то сказать, но мама его перебила:

– Вот всегда так, слова из тебя не вытянешь. Сынок, мы же тебе хорошего желаем только, ты вот помнишь, кем в детстве хотел стать?

– Космонавтом, – неуверенно ответил Саша.

Мама даже в лице переменилась. И точно, она вспомнила, как маленький Саша, нацепив мотоциклетный шлем, бегал по дому и «приземлялся» на неизвестных планетах, счастливый, излучающий свет откуда-то изнутри. Не все ли дети такие? Не всем ли взрослым хочется хоть на секунду вернуться в это состояние? А сейчас, очевидно и известно, в том мире, в котором они вынуждены жить, в котором будут жить и её внуки, шанс обрести это состояние близится к нулю.

– Космонавтом... – повторила мама и обессиленная медленно села рядом с папой. Взгляд её немного затуманился.

– Космонавтом... Знаешь, сынок, я совру, если скажу, что полностью тебя поддерживаю, но и противиться не буду. Если *это всё реально*, то материнское благословление ты получаешь. Отец! Чего молчишь?

Папа видно тоже нерадостно принял эту новость, тем не менее, сходил в спальню, нашёл спрятанные в шкафу с одеждой свои майорские часы с компасом и вручил их Саше, молча. Видно было, что родители, всё-таки, отпускают Сашу, хоть и скрепя сердце.

Саша задумчиво дожеввал воробья и ушёл.

Глава третья, в которой Сашин начальник похож на медведя

Понедельник. В кабинете заместителя старшего начальника 3-ей кадастровой степени службы организации деятельности «НЧС» (сокращено, в кабинете Сашинного начальника) было холодно. Отопление отключили давно, а установленную у окна буржуйку ещё не начали топить, ждали поставок кизяка из дружественного Пуркменистана. Сашин начальник сидел в нескольких тулупах, шапке и огромных рукавицах. Лицо начальника было потеряно в бороде, и всем своим видом он напоминал дикого медведя. Между рукавицами была зажата ручка, и было забавно смотреть со стороны на попытки начальника подписать какой-то приказ.

– Александр, – сказал начальник, не отрываясь от своего занятия, – что за херня?

Сашин начальник если и ругался, то всегда по делу, а дела у начальников есть, как известно, всегда.

– Увидел твоё заявление об уходе, – не поднимая глаз, продолжил начальник, – в нём сказано, что ты собрался лететь на Марс.

– Да, собрался. Я участвую в планетарной экспедиции.

– Я понимаю, что платим мы мало и не всегда деньгами, чаще всего. Штрафы у нас большие за нарушения распорядков: за чихание, частные походы в туалет, моргание больше тысячи раз в час. Но не обязательно при этом ловить «шизу».

– Я абсолютно адекватный, это реальный шанс... – начал было парировать Саша, но начальник его перебил:

– Или тебя в Монголию переманивают, что ли? Снуют туда-сюда эти монголы херовы. Ну и какая разница, что у них телепорты даже используют в быту, у нас-то не хуже: вода, вон, бесплатная, по средам. Ты эти глупости брось мне, понял? – впервые начальник поднял свой взгляд на Сашу, взгляд колючий, как мороз в кабинете.

Сашу этот взгляд прямо до костей пробрал, да настолько, что он подумал, а может и правда это он с ума сходит. И письмо – это просто спам, неотсортированный почтовой программой. Но как же мечта? Как же Марс? Если существует хоть самая маленькая вероятность, что *это всё реально*, то этим надо попытаться воспользоваться.

– Я не буду менять своего решения, я увольняюсь и лечу на Марс! – произнес Саша, придав интонации как можно больше воодушевления и гордости.

– Марс. Александр, короче так: ты либо забираешь заявление, либо принудительно отправляешься на терапию, там тебе мозги быстро прочистят, про психонасильную помощь в курсе? Срок тебе до пятницы. А сейчас идёшь в отпуск, без содержания и сожаления. Марш отсюда.

Саша послушно вышел из кабинета, стараясь максимально сильно при этом хлопнуть дверью, но на эти случаи, видимо, к косяку было прибито несколько слоёв войлока. Поэтому хлопок не получился, зато в душе у Саши росла уверенность в том, что он последний раз переступал порог этого кабинета.

Глава четвёртая, в которой Сашу освещают СМИ тремя микрофонами

Во вторник Саше снился сон. В нём он будто бы гулял в поле и наткнулся на стаю стервятников, которые были одеты в маленькие деловые костюмчики и клевали что-то среднее между фаршем и капустой (голубцы, что ли?). Увидев Сашу они полетели в его сторону, и он смог почувствовать вонь, витающую в воздухе. Запах усиливался с каждым взмахом крыльев,

и, чем ближе стервятники подлетали к нему, тем острее становился запах и чувство опасности. Сердце Сашино бешено застучало. Тук-тук, тук-тук, бах-бах! Бах-бах!

Саша проснулся, в дверь стучали, громко, с нетерпением. Полусонный, в трусах он подошёл к двери.

– Кто там?

– Мы репортёры из газеты «Вечерние байки», пришли поговорить о Вашем полете на Марс, – затараторили несколько голосов за дверью.

Городок был небольшой, и новости распространялись очень быстро. Ещё быстрее в результате работы местных репортёров. Из-за нестабильной работы электричества телевизионный формат новостей давно исчез. А из-за проблем с бумагой газеты не печатались вовсе. Репортёры газеты «Вечерние байки» собирали местные новости, а потом бегали по городу и кричали анонсы в рупор. Те, кого интересовала новость подробнее, должны были что-нибудь дать репортёру и тот с удовольствием вдавался во все подробности, иногда даже неплохо актёрски отыгрывая самые пикантные места.

– Можно задать Вам пару вопросов? – голоса за дверью не унимались.

Саша, набросив халат, открыл дверь. В квартиру ввалились три человека и бесцеремонно стали пихать микрофоны Саше в лицо. Репортёры по старой привычке постоянно брали микрофоны, хоть и подключить их было абсолютно некуда. Видимо, этот факт позволял чувствовать себя увереннее, как ребёнку, который уже научился ходить, но ещё постоянно ищет вокруг себя опору, чтобы не упасть. Все трое были в потрёпанных пиджаках с галстуками, причём, у одного, самого старого из них, роль галстука выполняла толстая верёвка.

– Александр, во сколько у вас отлёт? А когда вы узнали, что летите на Марс? А у вас были в детстве травмы головы? А вы уже собрали вещи? А вы любите президента? А на сколько вы улетаєте? А вы верите в Деда Мороза? А как восприня...

– Хватит! – оборвал череду вопросов Саша. – Да, я лечу на Марс, навсегда, травм не было, лечу в четверг, морально готов и больше на вопросы не отвечу.

– Но Алекса-а-андр, – протянул писклявым голосом один из репортёров, – люди должны знать все подробности *этого* события. Чем больше мелочей, тем больше это похоже на правду!

– Это и есть правда! Всё, уходите, – Саша не на шутку разозлился и начал выпроваживать их из квартиры. Репортёры пятились назад, на лестничную площадку, продолжая тыкать микрофоны Саше в подбородок.

– Ах вы так? Александр, город такие новости услышит... – продолжил писклявый.

– ... такие новости, – поддакивали его коллеги.

– Вы ещё пожалеете об этом, мы – заслуженные работники СМИ!

– ...заслуженные.

Саше захотелось ударить этого писклявого, но он сдержался в последний момент. Вытолкнув их наружу, он закрыл дверь и ещё несколько минут слышал за дверью причитания репортёров.

Вечером весь город знал, что Саша, якобы, летит на Марс, что это и не Марс вовсе, а диссидентство в чистом виде, что его завербовали зарубежные спецслужбы, что у него личный электрогенератор, подаренный шпионами за хорошую службу, и что зовут его не Саша, а Фильдих и он каждый день ест бананы и ананасы и плевать хотел на Родину и президента. Пока Саша спал в своей кровати, ночью к его дому начали подтягиваться зеваки, пытавшиеся одним глазком заглянуть в квартиру на первом этаже, где жил «марсианин», так его прозвали в народе.

Глава пятая, в которой Сашина жена ест борщ

В среду Сашина жена Галя вернулась с трудотерапии из сельского оздоровительного лагеря «Хорошее настроение». Когда Саша проснулся и зашёл на кухню, то увидел, как его любимая сидит на кухне и ест борщ. Борщ носил такое гордое название больше номинально,

мяса в нём не было, не было морковки, капусты и многого другого, но зато там в избытке была свёкла. Чаще всего на трудотерапию отправляли собирать свёклу. Галя не первый раз попадала туда: по новым законам, если ты не очень был доволен своей жизнью, то лучшим способом это исправить была недельная ссылка в «поля». Недовольство жизнью строго фиксировали «дружинники». Галю последний раз подловили в магазине, когда она обозвала продавщицу мразью, так как та отказалась выдать шпроты по просроченному на три минуты продуктовому талону.

– Привет, милая, как съездила? Как дурацкая трудотерапия? – спросил Саша, приобняв и поцеловав жену в щёку. Она улыбнулась и продолжила жевать.

– Почтовый голубь до тебя добрался?

– Ага, – ответила Галя, – и ты правда в *это* веришь?

Саша чувствовал напряжение, а ещё больше – страх. Если Галя сочтёт всё это полным бредом, то это его просто морально убьёт. С Галей они были женаты не так давно, но взаимно ощущали друг в друге поддержку и душевное тепло. Один без другого не мог существовать уже в принципе.

– Верю, – выпалил Саша. Именно выпалил. Казалось, от его «верю» в кухне повис запах пороха, и отдаленно эхом звучало окончание «ю-ю-ю».

– Саш, ты же знаешь, здесь ловить нечего и уж если ты веришь в полёт на Марс, то и я поверю тебе. Я как жена сентябриста, – Галя так громко засмеялась, что аж свёкла выпала изо рта. – И в огонь, и в воду, и в горы.

Саша вспомнил, как в прошлом году в сентябре мужчин насильно отправили строить туристический кластер в горах Алтая, а жёны поехали с ними поддерживать и помогать им. Кластер, по традиции, не достроили: кончились бюджетные поставки еды, а выражение «жёны сентябристов» осталось в обиходе.

– Галя, не перестану это повторять, но я тебя люблю! – улыбаясь, сказал Саша, и обнял жену.

– И я тебя Саша люблю, – ответила Галя. – Нам, наверно, надо какие-то вещи с собой собрать? В письме об...

Галя не успела закончить, в окно на кухне влетел камень, описав дугу и врезавшись в шкаф с посудой. Осторожно, наступая на те места, где не было осколков битого стекла, Саша подошёл к окну.

– Предатель! Куда собрался лететь! Только попробуй выйти! – кричали на улице. Человек двадцать стояло у подъезда, вид у них был явно недружелюбный.

Саша крикнул Гале, чтобы она спряталась в ванну, а сам начал баррикадировать кухонное окно. Придвинул шкаф к окну, подпёр гладильной доской и стулом, потом то же самое проделал и в зале, соорудив защиту из письменного стола, подушек и старого кресла. Только после этого он позвал Галю, и они спешно начали собирать вещи, хотя не имели понятия, пригодятся они им или нет.

Ночь предстояла беспокойная.

Глава шестая, в которой Сашины ненавистники кусают себе очень больно локти

Четверг приходил в жизнь Саши и Гали бесконечно долго. До глубокой ночи люди что-то кидали в окна, кричали, несколько раз ломались в дверь. Саша и Галя держали оборону и даже успели собрать необходимый, как они посчитали, минимум вещей. Ближе к четырём часам как-то всё стихло, и они хоть немного смогли поспать. Сон был беспокойный, Саша то и дело хватался во сне за раритетное дедовское мачете, случайно обнаруженное на антресолях, а Галя, в своём коротком сне убегала от какого-то чудовища, только на беговой дорожке это было очень сложно сделать.

Четверг, всё-таки, ворвался в жизнь Саши и Гали самым неожиданным образом. Сашу разбудил болезненный клевок в лоб. Он подскочил, держа перед собой мачете, готовый атако-

вать противника. Но никого не увидел впереди. Галя тоже проснулась и с удивлением пыталась понять, что происходит вокруг. Источник Сашиной боли себя обнаружил, промелькнув перед глазами и приземлившись на спинку стула. Это был голубь. Вернее, что-то механическое, серебристого цвета, похожее на голубя. На Сашу и Галю уставились два глаза-пуговицы, светящихся синим.

В это же самое время на улице происходили весьма интересные события. Толпа людей, человек двести, облепили весь двор и часть дома, в которой была Сашина квартира. Лидерами этого сборища выступали репортёры «Вечерних баек». В три рупора, стараясь не перебивать друг друга, они кричали:

– Сегодня они говорят, что летят на Марс...

– ... а завтра они Родину продадут!

– Да! – толпа одобрительно отвечала в ответ.

– Мы должны единым фронтом остановить этих диссидентов!

– Там, за бугром, не получают *наших* людей, не заберут кровь земли *нашей*.

– Да! – ещё дружнее подхватила толпа.

– Или вы хотите, чтобы и ваши дети запудрили себе мозги глупыми мечтами, поверили в сказочные обещания?

– Не-е-ет! – кто-то из толпы кинул кусок камня в Сашино забаррикадированное окно.

– Тогда мы не допустим *этого*. Все согласны?

– Да-а-а!!! – толпа пришла в неистовство, махали руками, палками, чугунными утюгами и цепями. Все словно ждали команды для штурма.

Но тут к подъезду дома, громко сигналив, подъехала грузовая машина. На боку белой краской не очень аккуратно было выведено: «КБЗПТВ Психонасильная помощь». В этот момент толпа стихла. Все застыли в оцепенении. Даже репортёры замолчали, побледнели и, медленно протискиваясь поглубже в толпу, попытались спрятаться. Из кабины вышел человек в халате грязно-серого цвета, не спеша подошёл к заднему борту машины и открыл двери грузового отдела. Оттуда выскочили огромные санитары, человек восемь, с медицинскими чемоданами и силками на палках, как для ловли собак.

По толпе прокатился шёпот. Санитаров из «Психонасильной помощи» все боялись как огня. Обычно, если они куда-то и за кем-то приезжали и забирали людей на «терапию», то обратно либо никто не возвращался, либо возвращались «счастливые огурцы». Так как в КБЗПТВ практиковали промывание мозгового вещества огуречным рассолом, то человек, испытавший это на себе, оставался не только с глупой улыбкой, но и с зеленоватым оттенком кожи.

Саша с Галей слышали, будто бы на улице шла какая-то демонстрация, и догадывались, что это они – основная причина этого шума за окном. Прилетевший непонятно откуда механический голубь открыл рот и они услышали: «Приветствую Вас, мои покорители космического пространства. Я, Илон Маск, спешу сообщить: Ваш отлёт состоится через пять минут. Просьба с собой ничего не брать, мы Вас обеспечим всем необходимым. Через указанный временной отрезок Вам нужно будет выйти на площадку перед домом и ожидать прилёта космолёта. Удачи Вам, мои смелые друзья!»

Птица закрыла рот, зашумел маленький двигатель и голубь молниеносно вылетел, как маленькая ракета, в щель у заваленного подручными баррикадами окна. Входную дверь кто-то пытался выломать:

– Психонасильная помощь! Открывайте! – басом зазвучало в подъезде. Странно просить открыть дверь, когда ты уже ногами пытаешься её выбить.

– Галя! В окно! – крикнул Саша.

– Но...

– Вариантов больше нет, помощи.

Они стали разбирать завал кухонного окна, откидывая вещи без разбора. Усиливался треск входной двери. Когда Саша с Галей уже выпрыгнули из окна, они слышали за спиной громкий хруст и топот в квартире. Во дворе толпа расступилась, как от прокажённых. В окне квартиры появились угрюмые лица санитаров.

Неожиданно, весь двор накрыл протяжный гул с неба. Ураганный ветер завыл в воздухе, сбивая шапки с людей, а санитары, вылезшие вслед за Сашей и Галей, остановились в нескольких шагах от них и с изумлением уставились вверх.

Корабль белого цвета, похожий на гигантскую сигару, завис над двором, из него спустилась небольшая площадка, похожая на качели, только с перилами по пояс. Заворожённые, Саша с Галей подошли к ней, встали на сетчатое основание, ухватившись за перила. Никто им не стал мешать. Площадка бесшумно поднялась обратно в корабль, гул возрос и «сигара» белого цвета, медленно удаляясь в небо, покинула Землю.

Санитары и люди остались далеко внизу, кусая очень больно свои локти, и многое, что было важно *там*, перестало быть важным, перестало существовать для Саши и Гали. Мир сжался до размеров космолёта и одновременно расширился до размеров Вселенной...

Вот так Саша и Галя улетели на Марс.

Посвящается Ивановым

НЕ ЖИТЬ

48 часов

Утро.

Я проснулся от криков людей в подъезде. Временами это было похоже на вой. Вышел на площадку – увидел, как в пролете толпа разрывала на куски человека. Забежал обратно в квартиру, закрылся.

Гугл подсказал, что новый вирус гриппа вызывает серьезные осложнения, агрессию. Но ни слова о том, что люди больше похоже на зомби. На часах 09.26. Я смотрел много фильмов про зомби, поэтому сразу набрал полную ванну воды и судорожно начала обзванивать родных. Не дозвонился. Через час сеть исчезла совсем. Телевизор показывал на всех каналах заставку с надписью: «Техническая профилактика». За окном ситуация была не лучше – бродили окровавленные люди, постоянно слышались стоны и крики. Ближе к проспекту – огромная пробка и несколько аварий.

Полдень.

В голове постоянно крутилось – это пиздец, это пиздец, это пиздец. Проверил запасы еды. На неделю должно хватить. А когда отключилось электричество, понял, что нужно выбираться из города. Достал с балкона рыбацкий рюкзак. В 13.56 – я услышал звук нескольких взрывов, рядом загорелся торговый центр. Нужно ускориться. Собрал в рюкзак удочки, сменную одежду, документы, провиант. Вооружился самым большим кухонным ножом. Решил выходить вечером. Главное добраться до любой машины на ходу и попробовать выехать за город. Допил остатки коньяка.

Вечер.

Выходить через подъезд плохой вариант, в глазок увидел несколько тел на площадке. При этом они периодически подергивались. Второй этаж, смотал бельевые веревки и бросил через перила балкона. Вдалеке пошатываясь, брели несколько человек. На часах – 19.30. Нужно быстро обогнуть их, добежать до одной из открытых машин на перекрестке. Действовал быстро. Наверное, так себя чувствуют под высокой дозой адреналина в крови. Разбитый ниссан, дальше. Открытая тойота – рядом тело. Захлопнул дверь и залез через пассажирское кресло. Ключи в зажигании. Тело зашевелилось и начало подниматься. Пустой взгляд и какие-то гортанные звуки. Быстрее, быстрее.

Ночь.

Кое-как выехал из города. Несколько раз пробирался по закоулкам, где не было этих тварей. Везде что-то горело, стоны и крики. Ехал до четырех утра без остановки. Повезло что в машине был полный бак. По пути встретил несколько машин, неслись на полной скорости, посигналил, но не получил ответа. У очередной просеки – завернул вглубь деревьев и остановился поспать. Нужно найти людей и спокойное место, где нет этой заразы. Уснул с этой мыслью.

Утро.

На часах 10.25. Услышал, как пролетели несколько вертолетов в сторону города. Может власти взяли ситуацию под контроль? Но никакого желания возвращаться в город пока не было. Я пока толком ничего не знаю и от этого только страшнее становилось внутри. Выехал на дорогу и увидел, что по ней бежит стая собак. Тоже бегут из города, как и я. Собрался.

День.

Встретил несколько брошенных машин у какого-то поселка. Бензин почти на нуле. К двум часам остановился у перекрестка, перекусил. Указатель показывал в сторону деревни «Луговое 4 километра». Бросил машину и пошел пешком. Может вирус пока не добрался туда.

Вечер.

В деревне две короткие улицы. Людей не видно. Слышен непрерывный собачий лай. На одной улице в двух домах горел свет, похоже свечи или керосинки. На другой только в одном доме. Пошел к нему. Открыл калитку – собака даже не показалась из будки, только рычала. Но меня этим сегодня не напугаешь. Открыл дверь. В сенях тепло и темно. Открыл вторую дверь и громко окликнул жильцов дома. В дальней комнате горел свет и в проеме показался человек. Лица не видно, походка шаркающая. Я приготовился и достал кухонный нож. Либо это пожилой человек, либо...

Этот чертов дом. Я теперь в подвале, на собачьей цепи. Старик совсем сумасшедший и эпидемия тут не при чем. Сколько я уже здесь? Пять дней? Шесть? Сука. Маленькое разбитое окно, как напоминание моей неудачной попытки спасения. Крик помощи в пустоту, а я без ботинка.

Береженого, мозг бережет.

Казалось, прошла целая вечность с последней проверки. И вот опять – чердак, окна, двери, подвал. Подвал, окна, двери, чердак. Береженого, как известно, мозг бережет. В коридоре остановился напротив зеркала, сначала чуть не замахнулся куском трубы. Я похудел, зарос бородой и при своем росте в метр восемьдесят стал походить на коршуна. Такого очень недовольного жизнью, с глазами навывкат. Нет, всё-таки не коршун, богомол. Только бородатый. Похоже, нужно поест, опять всякая чушь в голову лезет. Стоп. Ещё раз проверить подвал, а потом еду.

В подвале всё было по-прежнему, окно накрепко заколочено, подкопов под дом не нашел, тело старика привязано цепями. Ткнул его трубой – не двигается, хитрая скотина. Поправил картину, она мне нравилась – глубокое и безмятежное море. Я её сам нарисовал, на куске простыни. Сначала на кухне висело, но потом почему-то решил оставить в подвале. Так надежнее что ли. Ха! Старик и море. Кто тут кого поймал? А? Ткнул ещё раз старика. Всё так же, не двигается.

Утренняя проверка закончена. Подбросил ещё поленьев в печку, вскипятил воду. В последнее время постоянно ставлю, галочки в голове: **проверяй дом ежедневно** – галочка, **старика ткни трубой** – галочка, **воду сырую не пей** – галочка. Не могу успокоиться пока стая галочек не будет кружиться вокруг. Я чувствую себя лучше в их окружении, безопасней. Нужно ещё дров, но за ними только днём, и ни в коем случае ночью. Раз, ещё галочка.

Заварил чай, сел в кресло, трубу на колени. Стук. Стук в дверь.

– Тут кто-нибудь есть? Впустите! Я видел дым!

Огромная такая галка! Невероятных размеров уселась на плечо – **«не впускать никого в дом»**. Я медленно встал и прокрался к двери.

– Пожалуйста, впустите! – голос мужской, скрипящий, как у старика.

Нет, нет, нет. Никаких людей, никаких стариков, никакой заразы в дом. Ещё один стук, уже слабее. И неожиданный гость, судя по шагам, решил обойти дом. Ага, нашелся проверяющий. Ни дыр, ни лазеек он не найдет. Аккуратно поставил кресло в центр гостиной, прислушиваясь. В доме настолько тихо, что я бы даже услышал если б этот старик пернул на улице. Вот он прошел окна спальни, кухни, туалета, гостиной, бесконечно постукивая по окнам. Вернулся к двери.

– Пожалуйста, я бедный путник, бежал из города, помогите... – жалобно завывал проверяющий.

Знаем мы таких, плачут под дверью, скребутся, а стоит только впустить – то ножиком трясти начнут, а то ещё хуже – человек пять там их будет, а не одна маленькая девочка. Галочки довольно закружились вокруг головы, встретив новую подружку – **«никому нельзя доверять»**.

Тем временем за дверью стало тихо, гость выругался и стал удаляться от дома.

Вот и славненько. Перед ужином нужно ещё раз всё проверить.

«Чердак, окна, двери, подвал, чердак, окна, двери, подвал» – словно священную мантру, повторял я снова и снова. Ещё один день склонил свою голову передо мной...

Жизнь

Интересно, а человек замечает момент, когда он сходит с ума? Нет, я серьезно. Я знаю, кто я такой, помню своё имя и чем занимался в прошлом. Я помню всех, кто был мне дорог, и кому был дорог я. Моих родителей, мою маленькую сестренку. Но всё это где-то там в прошлом, и чем больше наступает новых дней, тем это «прошлое» всё дальше и дальше от меня. Было ли оно вообще? Я начал записывать, чтобы не забыть. Что от меня останется, если я позволю себе забыть? Я как-то нашел старый фотоальбом старика, черно-белая летопись чужой жизни. По буквам. Ж. И. З. Н. Б. Мне чертовски не хватает нормальной жизни. А ещё я нашел семь капканов. Видимо старик был охотником, но я даже рад что не нашел ружьё, так как я бы рано или поздно им воспользовался и навряд ли в качестве самообороны.

Во время очередного похода за дровами я заметил, что один из капканов поймал свою добычу. Девочку лет шести. Белокурая, в одной ночнушке. Она сейчас рычала, вертелась в снегу. И я хотел уже снести ей голову ударом топора, пока не увидел её лицо. Один в один моя маленькая сестренка. Так у старика появилась внучка.

Я мало что знал об этой заразе, радио в начале ещё шуршало чью-то морзянку, а после и вовсе затихло. Батарейки сели, новых я не нашел. Поэтому все мои знания – только от моих наблюдений. Девочку прицепил рядом со стариком и через пару дней во время очередного обхода дома ткнул трубой в старика, и тот ответил недовольным уханьем. Начал дергаться и открыл глаза. Думаю, этот подлый ублюдок воскрес благодаря моей тупости. Девочка принесла вирус. Как это работает? А если я схохну в этом подвале – я тоже стану с ними тусоваться?

Старик даже будучи человеком был куском дерьма. Держал меня на цепи, как он любил повторять, на «черный день». Собаку и кошку он к тому времени уже съел, ещё чуть-чуть и я бы отправился вместе с ними на переработку. А теперь опять тарашится на меня с таким же взглядом. На сестренку даже не смотрит. Я что назвал её сестренкой?

Выбрался из подвала. Разбавил остатки спирта, которые хранил когда-то дед, выпил залпом и провалился в глубокий сон.

– Давно я тебя в гости ждал, вон варенья достал. – беззубым ртом прошамкал дед. А посреди стола кровавое месиво, я даже чувствую его запах.

Девочка улыбается, глаза затянуты белой пеленой. Ручонками загребает из кучи и ест, причмокивая.

Проснулся от крика. Даже не понял, что это кричу я. Вскочил, схватив топор, и в подвал. У стены, обнявшись, лежали старик и девочка. Услышав меня, оба подняли головы, уставившись пустыми глазами. Блядь... Почему они тянутся друг к другу? Неужели что-то там внутри осталось человеческого? Любовь? Опустил руку с топором и, прислонившись к стене напротив, сел.

Я плакал. Слезы – соль и вода... на моей картине с морем – соль и вода. Только море сейчас бушевало, пытаюсь откусить волнами кусочек берега. И этот новый мир с удовольствием откусывал и пережевывал последнее и светлое, что было во мне....

Сказки

Укусил комар – плюнул, растер и забыл. Почти так всегда и происходит. Но...

Как-то раз злой комар решил всех зверей лесу покусать да крови их попить. Начал в четверг.

К медведю слетал, искал, искал место как бы сквозь шерсть густую пробиться, и не нашел. Полетел, не попивши кровушки, дальше. Сова днем спала и была очень хорошей жертвой. Но через перья так и не пробился комар. Расстроился да дальше полетел к лисе. Лиса хитрой оказалась, только комара увидела да в нору спряталась. В норе темно, не найти лису. К ежу хотел комар слетать, да вспомнил про иглы острые и оставил эту затею. И тут охотника встретил

комар. Хоть охотник тот и лесной житель, но ни шерсти, ни иголок, ни хитрости звериной нет. Сел на руку, укусил и напился вдоволь комар. Заметил укус охотник и давай думу думать, как укус залечить, а то вдруг комар заразу какую принес. Пошел к врачевателю, а тот руками разводит, само, говорит, пройдет. Охотник чует как плохеет ему. Пошел к бабке-ведунье. Так, говорит, болотной жижей надо смазать и залечиться укус. Смазал охотник, но не помогло и жар поднялся в теле во всем. И тут подумал, подумал охотник, что надо заразу остановить, пока по крови ко всему телу не добралась. Сходил к дровосеку, попросил самый острый топор и рубанул себе по самое плечо. И как рукой сняло. Рукой с топором...

А всё потому что иногда самый страшный способ избавления и есть самый правильный. И бояться не нужно, коли выжить хочется. Ведь главное сейчас – выживание.

– И как тебе, сестренка? Нравится?

Сестренка замычала, протягивая свои руки ко мне. Теперь-то, без зубов она укусить меня ещё раз не сможет. Старик тоже потянулся ко мне. Пнул его ногой в голову, чтобы успокоился. Плечо горело огнем, но уже было лучше. Два дня в забытьи. То отключался, то снова приходил в себя. А если не помер и не превратился еще в тварь, значит правильный способ выбрал. Главное теперь заражение не подхватить. Очень смешно! Заражение!

Я смеялся. И думается мне, мой смех из подвала даже на улице был слышен. Заражение!

Слова

– Пава. Па. Ва. Па. Па. Рыбы. Ма. Ма. Рыбы.

– Дом. Доооооом. Домммм. Рыбы. Лююююю.

– Люююдиии. Лююди рыбы. Убегааааююю.

– Дым...

– Дым...

– Дым...

– Сне...

– Гггыыыы.

– Кап.

– Кап.

– Капкан. Рыбыы...

– Кап.

– Кап.

– Ма. Ма. Па. Па. Дом. Дом. Домойййй.

Сестренка забилась в угол подвала. И тихо застонала. Это что-то нереальное. Я ни разу не слышал от тварей больше двух слов. Вирус что-то оставляет им, крупницы эмоций или часть истории. Мне стало дурно. Поднявшись наверх, я зачерпнул холодной воды из ведра и вылил себе на макушку... потом ещё и ещё... Вода стекала по голове, лицу, неприятно через ворот залезла на спину. Я схватил плед, укутался в кресле. Я тоже буду таким? Как скоро? Кап. Кап. Капкан.

Соседи

На прошлой неделе у меня появились соседи. Дом в двухсот метрах и, как мне кажется, оттуда и пришла девочка. Я видел двоих – мужчина и женщина, скорее всего пара. Они мне помахали, но подходить не стали. Похоже городские. Оба в камуфляжных костюмах, выглядят спокойными. Видимо они вычистили дом, так как я заметил большой костер на второй день. Я уже имел опыт общения с выжившими, все заканчивались плохо либо никак. Да и в нынешнем положении, с культей вместо левой руки, я был легкой добычей. У меня был запас дедовских солений и картошки. Просто так им не сдамся! С гвоздодером в ближнем бою я ещё мог дать хороший отпор.

В субботу или может в воскресенье, а может это вообще был понедельник (посмотрел бы я на вас в такой ситуации, считали бы вы дни), я обнаружил на пороге записку. Капканы мои

новые соседи обошли умело, хоть я их и хорошо спрятал. Какое-то нехорошее предчувствие. А когда у меня его не было? Ха! Да я с ним постоянно. В записке:

«Уважаемый друг! Хоть мы и не знакомы, но мы чтим старые традиции, ведь как можно оставаться человеком, если не помнить кто мы такие. Поэтому мы приглашаем Вас на званый ужин, для знакомства и приятного времяпрепровождения».

А ещё ниже подпись: «Евгения и Евгений Корниловы».

Значит семейная парочка зовет меня на ужин... Это мило настолько, что охренеть можно. Ужин при свечах. Я проигнорировал письмо. На следующий день под дверью нашел контейнер с мясным рагу и записку:

«Очень жаль, что вы не смогли прийти на ужин, надеемся увидеться в следующий раз». С контейнером прилагался сверток с шоколадом. Шоколад я не ел уже кажется тысячу лет. Я даже сестренке со стариком пытался дать кусочек, запах они явно узнали.

Записки с приглашением и ужин с контейнером регулярно стали поступать к моему порогу. А когда у меня накопилась уже добрая дюжина контейнеров, я кое-как побрился, помылся в тазике и всё-таки решил принять приглашение на ужин. На всякий случай засунул кухонный нож за пояс и взял любимый гвоздодер и контейнеры.

У соседского дома увидел остатки от костровища – пепел и кости. Похоже родственники сестренки. Точнее твари сестренки. Постучался в дверь, мне открыла Евгения:

– Здравствуйте! Рады вас видеть! Женья, к нам наконец-то пришли гости. – затараторила девушка невысокого роста и лицом, чем-то напоминающая сурка.

На пороге показался высокий парень в куртке цвета хаки:

– Женья – протянул руку парень, – а это моя жена тоже Женья! Шутка жизни. – доброжелательно засмеялся тот.

– Я Виктор. Когда-то друзья называли меня Вик.

– Надеюсь и мы сможем стать друзьями, Вик. Проходите. – пригласила Женья.

Меня проводили на кухню. Соседи то и дело поглядывали на мою культу и на мой гвоздодер, попытались усадить к окну, но я предпочел сесть спиной к выходу.

– Производственная травма. – попытался пошутить я. – А вот ваши контейнеры и... спасибо за еду, я давно не ел мяса. Откуда у вас оно, кстати?

Парочка переглянулась. Муж ответил:

– Вик, мы бежали из города. И по пути немного незаконно наведались в супермаркет. Но какие законы сейчас действуют? Наверное, только Божьи, да и то Господь послал всех людей куда подальше.

– Не осуждаю. Время обязывает быть сильным.

Тем временем Женья накрыла на стол, в центр выставив блюдо с розовыми стейками.

– Вам это штука – показывая на гвоздодер сказала девушка – мешать будет. Давайте я её уберу?

– Конечно, сейчас. Я могу где-то руки... руку помыть?

– В конце коридора ванна, мы поставили туда рукомойник. Вода и мыло там же.

Я вышел из кухни, пошел в сумраке по коридору. Парочка о чем-то начала шептаться. На полу темно-бардовые разводы, ведущие в комнату направо. Я аккуратно поддел запертую дверь своим гвоздодером... Слабый уличный свет освещал зал. В центре на столе куски мяса, кости, тарелка с нарезанными под стейк частями. В углу связанный мужчина... Без ноги. Он был весь мокрый, тяжело дышал, рот перемотан скотчем.

Сука. Сукааааааа... Вот тебе и супермаркет. Мужик был ещё человеком, и, похоже, скоро умрет... Если, конечно, тут кто-то умирает по-настоящему. Надо выбираться. Сука! Каким мясом они меня кормили? Я вышел из зала, прикрыв дверь. Меня тошнило. Я попался уже во второй раз! Одним чудом освободился от старика и вот опять.

В кухонном проеме стояла девушка.

– Мы вас уже потеряли. – заулыбалась во весь рот она.

Точным ударом гвоздодера, я убрал улыбку с её лица да так, что он застрял у неё в районе челюсти. Она рухнула на пол.

Я выхватил нож из-за пояса.

– Ах ты пидор! – заорал муж и побежал в мою сторону.

Я побежал. Спрятался за косяк у входной двери. Отсчитал: раз, два и резко, выставив нож на уровень груди, вышел к проходу. Физика сделала все остальное – мужик напоролся на нож. Мы оба упали. Его удивленные глаза пялились на меня ещё несколько секунд, потом он затих.

Выбравшись, я добежал домой, закрылся. Меня вырвало. Потом ещё раз и ещё. Когда сил совсем не осталось, я залез в кресло и отключился.

Во сне ко мне приходили мои соседи по квартире и предлагали мясо, которое им привезли из деревни. По 250 рублей за килограмм...

Мир рухнул и продолжал падать и падать. Когда он остановится? Когда все станет по-другому? Когда...

Я живу полной жизнью!

У меня есть личный психолог. Сестренке в подвале очень приятно выговариваться, она любит слушать, иногда одобрительно рычит в ответ.

У меня есть личный охранник. Нашел горластую тварь в окрестностях и привязал к дереву возле дома. Теперь я в курсе, когда ко мне приходят неожиданные гости.

У меня есть личный помощник по хозяйству. К старику я привязываю мешок с дровами или канистры с водой, он их тащит и идет за мной до самого дома. Приятно же? Да?

Я бы ещё хотел завести собаку или кошку, но они куда-то все пропали. Вот от этого немного обидно.

Но в остальном я живу полной жизнью!

День за днем. Прошлое ужасно, но будущее светлое и внушает оптимизм. Да так, что я иногда сижу перед зеркалом и смеюсь. От счастья, наверное...

Финал

Утром пришли два космонавта. Всё как полагается: в белоснежных сверкающих скафандрах. Я их впустил. Они рассказали, что прилетели с засекреченной космической станции и забирают сейчас всех выживших к себе. Я собрал вещи, попрощался с дедом и сестренкой. И через час я уже был на корабле, который быстро удалялся от Земли.

Нет... Концовка совсем ни к черту.

У меня пока еще есть время придумать. Нужно выбрать самое идеальное окончание и запомнить его. Так.

Утром, когда я собирал дрова, к дому подъехал лимузин. Из него вышел полуживой в смокинге, и, немного поправляя отпадавшую челюсть, он пригласил меня поехать на вручение Нобелевской премии. Я спросил его: в какой области, а он весело прошамкал – в Нижегородской. Черт, а теперь сюр какой-то выходит.

Заново.

Утром... а почему опять утром? Может вечером? Не, лучше утром. Не факт, что дотяну до вечера. Хотя кровь вроде бы уже не так сильно идет...

Так.

Утром я увижу, как в погреб спускается бригада скорой помощи. Врачиха с такими добрыми и заботливыми глазами говорит, мол, чего же вы, голубчик – все хорошо будет! Вон, если этих всех вылечили, то и вас поправим. Вытаскивают сначала меня, потом дровяку из живота, пшикают заживляющим гелем и всё срастается. Сестренка бежит навстречу обниматься. И дед, вроде уже не такой злой, с легким укором смотрит, мол, как тебя угораздило в погреб-то открытый упасть, да на кусок лестницы напороться? И зовет меня на рыбалку.

И вот мы идем втроем на речку. Сестренка бежит впереди, за кузнечиком угнаться пытается. А трава такая высокая, руку подставляешь, будто здороваешься с тобой. А как к речке пришли, так решили искупаться. Я прыгаю в воду, плыву, борюсь с течением и побеждаю даже. А после наоборот: отдаюсь течению и несет оно меня. Свободно так. Только холодно немного. Холодно... А потом...

...а потом выхожу из речки, ложусь на берегу... солнце пригревает и ничего не хочется. Только слушать воду, ветер, как дед ругается на удочку, а сестренка по щеке тебе травинкой водит и смеётся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.